

13-я симфония Д.Шостаковича написана для баса, хора басов и симфонического оркестра на стихи Е.Евтушенко — "Бабий Яр", "Юмор", "В магазине", "Страхи", "Карьера". Ее первое исполнение состоялось в Москве 19 декабря 1962 года под управлением Кирилла Кондрашина с оркестром Московской филармонии, капеллой Юрлова и солистом В.Громадским. Сегодня это, может быть, трудно понять, но в те времена каждое исполнение 13-й симфонии Д.Шостаковича в Москве, Минске и позднее в других городах было общественным событием, поскольку в 13-й симфонии запечатлены острые общественные темы, имевшие актуальнейшее значение в те годы. Не случайно все исполнения симфонии заканчивались триумфом — публика стоя аплодировала авторам и исполнителям.

А было все так. В октябре 1962 года мне было предложено занять пост главного дирижера и художественного руководителя Государственного симфонического оркестра Белоруссии. Концертный план оркестра первой половины сезона к тому времени был уже обозначен, а вторая половина сезона требовала немедленного решения. В декабре я был в Москве на премьере 13-й симфонии в Большом зале консерватории. Впечатление было ошеломляющим.

Я решил немедленно исполнить симфонию в Минске. Разобравшись в репертуаре оркестра, я понял, что его необходимо обновить. Тогда же возникла идея выпустить цикл концертов под общим названием "Выдающиеся произведения музыки XX века".

Во второй половине сезона было намечено ограничиться программами, посвященными творчеству Г.Малера, П.Хиндемита, Б.Бартока и Д.Шостаковича (1-й скрипичный концерт и 13-я симфония). Был выпущен абонемент из четырех концертов, с исполнением каждого концерта дважды (обновляясь, этот цикл повторялся из года в год и долго продолжался после моего ухода из оркестра в 1971 году).

Билеты на концерт с 13-й симфонией продавались только в абонементе. Это было сделано на тот случай, если вдруг у руководства возникнет желание снять исполнение симфонии. Тогда публике пришлось бы возвращать билеты всех восьми концертов, что при аншлаге (абонементы были распроданы в течение нескольких дней) было бы весьма заметно. Был объявлен и Третий концерт с 13-й симфонией, внеабонементный, но позднее руководство министерства культуры Белоруссии его все-таки сняло.

После Нового года в Москве начали "сгушаться тучи". Появились "критические" статьи и выступления; Е.Евтушенко было предложено изменить текст в первой части симфонии, что он и сделал. Тогда же было приостановлено и дальнейшее исполнение симфонии. Официально это нигде не было объявлено, но когда я пришел в библиотеку Союза композиторов СССР на улице Неждановой, чтобы взять партитуру и оркестровые партии, мне их не выдали, а через друзей мне удалось достать только два клавира. Как мне объяснил тогдашний директор библиотеки Е.Садовников: "Выдавать оркестровые партии и партитуру пока запрещено".

Кстати, в первом издании партитуры симфонии (М., "Советский композитор", 1971) даже в сносках отсутствует первоначальный текст.

Пользуясь случаем, я его напомню. Изменений в первой части ("Бабий Яр") было два: между 2-3 цифрами партитуры и между 24-26.

Старый текст:
Мне кажется, сейчас я иудей — вот я бреду по Древнему Египту.

А вот я на кресте распятый гибну и до сих пор на мне следы гвоздей!

Новый текст:
Я тут стою, как будто у крыницы, дающей веру в наше братство мне. Здесь русские лежат и украинцы, лежат с евреями в одной земле.

Старый текст:
И сам я как сплошной беззвучный крик над тысячами тысяч убитых, я каждый здесь расстрелянный старик, я каждый здесь расстрелянный ребенок.

Новый текст:
Я думаю о подвиге России, фашизму преградившей путь собой, до самой наихрошей родинки мне близкой всею сутью и судьбой.

Получив отказ в библиотеке Союза композиторов, я обратился к художественному руководителю Московской филармонии М.Гринбергу, думая получить у него оркестровые партии, имевшиеся в оркестре филармонии. После продолжительной беседы, где мне было выражено понимание и сочувствие, я получил отказ, мотивированный тем, что ноты являются собственностью Союза композиторов и в сложившейся обстановке он не может ими распоряжаться.

Тогда я обратился непосредственно к библиотекарю оркестра Л.Виноградову. Леонид Владимирович Виноградов был тихим человеком, для того времени, вид он имел несколько странный: носил волосы до плеч, длинную бороду до пояса и одет был весьма небрежно. Он много читал и высказывал довольно независимые взгляды на тогдашнюю жизнь. Я рассказал ему о своих планах, и поскольку в ближайшее время исполнение симфонии не намечалось, он без колебаний согласился выдать мне оркестровые партии, хотя партитуры у него не было.

Прекрасно помню, как мы выносили из служебного входа Большого зала консерватории три пачки нот в машину такси, а рядом со входом стоял "Москвич" с открытым капотом и около него — Кирилл Кондрашин. Он увидел нас, улыбнулся и пожелал мне успехов, но когда я обратился к нему с просьбой дать мне на несколько дней партитуру симфонии, он отказал, мотивируя это тем, что это партитура библиотеки Союза композиторов.

С.Хентов в книге "Д.Шостакович" (Л., "Советский композитор", 1986) на странице 427 пишет: "Минскому дирижеру В.В.Катаеву удалось получить партитуру для премьеры в столице Белоруссии". Партитуру я получил из рук Дмитрия Дмитриевича, когда он за день до концерта приехал в Минск, а вся многодневная репетиционная работа проходила только по клавиру, что вначале, пока я не выучил партитуру на память, создавало для меня крайнее неудобство в работе с оркестром.

В организации исполнения симфонии Шостаковича в Минске у меня был замечательный помощник — редактор симфонических и камерных программ филармонии М.Жуховицкий. Он закончил исторический факультет университета и хоровое отделение консерватории. Жуховицкий был невероятно активным человеком, он прекрасно ориентировался в сложных отношениях партийного руководства и способствовал осуществлению многих интересных программ. Так, в 1964 году нам удалось еще раз исполнить 13-ю симфонию, а несколько позднее — "Военный реквием" Б.Бриттена, "Симфонию псалмов" И.Стравинского, симфонию "Песнь о земле" Г.Малера, ораторию А.Онеггера "Жанна д'Арк на костре" (в сценической редакции).

В декабре 1962 года, незадолго до премьеры 13-й симфонии, Никита Хрущев на собрании творческой интеллигенции выразил недовольство тем, что композитор Дмитрий Шостакович написал "какую-то симфонию "Бабий Яр", затронув "еврейский вопрос", хотя фашисты убивали не только евреев. Но на премьере прозвучали первоначальные строки. Позже же Евгений Евтушенко внес изменения в текст. В письме к Исааку Гликману Шостакович по этому поводу саркастически заметил: "Музыка осталась прежней. Изменены лишь слова. Как говорил когда-то Николай I: Музыка значения не имеет. Важен сюжет."

История исполнения 13-й симфонии Д.Шостаковича 19 и 20 марта 1963 года в Минске по-своему уникальна. Эти концерты состоялись, несмотря на то, что московское руководство задержало исполнение симфонии после ее премьеры в декабре 1962 года, несмотря на отказ руководства Государственного хора Белоруссии участвовать в исполнении симфонии и даже несмотря на отказ солиста-певца — буквально накануне — участвовать в концерте. В этих безвыходных обстоятельствах, чтобы спасти исполнение симфонии, срочно за вечер и ночь каждый музыкант оркестра добровольно переписал свою оркестровую партию. Дмитрий Дмитриевич присутствовал на двух репетициях и на первом авторском концерте.

ряд других замечательных произведений композиторов XX века.

Возвращаясь, однако, к истории исполнения 13-й симфонии, когда у нас возникла трудная задача — собрать сводный хор басов. Я обратился к художественному руководителю Государственного хора Белоруссии Г.Ширме. Он категорически отказался участвовать в исполнении (хотя ни текста, ни музыки симфонии еще не знал), боясь навредить на себя недовольство начальства.

Тогда я обратился к художественному руководителю хора Белорусского радио А.Зеленковой, выпускнице Ленинградской консерватории, замечательному человеку и музыканту. Она с воодушевлением

Илья Клеванский и хормейстер Государственного хора Виктор Ровдо. Пришло много певцов и из других хоров. В результате собрался настолько большой хор, что он не помещался на хоровых станках и хористы стояли на полу в несколько рядов. Когда на генеральной репетиции Дмитрий Дмитриевич увидел состав хора, он обомлел — на сцене стояла плотная толпа.

Еще на начальной стадии подготовки к концерту, будучи в Москве, я договорился с солистом Московской филармонии Виктором Громадским, который участвовал в московской премьере, и поэтому я был абсолютно спокоен. Но где-то дней за десять до концерта он позвонил мне в Минск и отказался от

Звонил Аскольд Беседин: "Я готов... Я могу... отменил все концерты. Когда мне быть в Минске?" Когда мы встретились на перроне, он задал мне сразу один вопрос: "Какой поем текст?" — "Конечно, первый!"

Как относились ЦК компартии Белоруссии и министерство культуры к готовящемуся исполнению симфонии в Минске? Во-первых, об исполнении симфонии они узнали, когда по городу уже висели афиши, когда все с нетерпением ждали этих концертов и когда через абонементную систему все билеты были уже проданы. Во-вторых, о поддержке исполнения и о требовании верхов изменить литературный текст симфонии знали в Москве, но

“Мелкий жизненный случай” в практике великого композитора

приняла мое предложение.

Именно вокруг небольшой группы певцов ее хора и стал собираться сводный хор басов. Для начала мы решили не ставить в известность руководство радио, а просто Анна Павловна так выстроила план работы хора, что мужчины получили возможность в рабочее время разучивать хоровые партии симфонии.

Первые несколько репетиций я проводил у себя дома, знакомил певцов с музыкой, с текстом симфонии, просил каждого из них рассказывать о симфонии своим коллегам из других хоров и приглашать их к участию в ее исполнении на условиях личного договора с филармонией (помню, директор филармонии Анатолий Колондоненко с большим трудом, но нашел средства, и большинство певцов сводного хора получили оплату). Состав хора стал быстро увеличиваться. Затем хоровые репетиции были перенесены в филармонию (теперь это Дом искусств).

К работе подключилась большая группа из Государственного хора Белоруссии, но по личной инициативе. В репетициях сводного хора приняли участие хормейстер радио

участия, мотивируя это своей занятостью в других концертах.

Мне пришлось срочно выехать в Москву в надежде найти другого солиста, знающего эту вокальную партию. Я предполагал, что к премьере в Москве для страховки должен был готовиться еще один певец. В Московской филармонии подтвердили мои предположения и назвали солиста филармонии Аскольда Беседина. Он знал партию, присутствовал на всех оркестровых репетициях К.Кондрашина в декабре, но спеть ему так и не дали, предпочтя В.Громадского. Тогда у А.Беседина не было постоянного адреса в Москве, поэтому мне дали несколько адресов и один телефон, где предположительно он мог появиться.

Имея в распоряжении всего один день, от поезда до поезда, я объездил на такси все адреса, звонил по телефону, но нигде А.Беседина не застал. Везде я оставлял свой минский телефон и записку: "При любых обстоятельствах прошу принять участие в исполнении 13-й симфонии в Минске!"

Вернувшись рано утром в Минск, я успел лишь войти в квартиру, как раздался междугородний звонок.

Экран и сцена —

вить возможные описки.

Суть еще и в том, что нужно знать музыкантов-исполнителей, большей части которых в их исполнительской практике просто не приходилось писать, переписывать ноты. Они обычно плохо пишут, коряво, у них не вырабатывается почерк. Это не композиторы, оркестровщики, труд которых непосредственно связано с процессом писания нот. Только очень немногим, в основном духовикам, приходилось заниматься перепиской нот. Поэтому факт коллективной переписки за вечер и ночь оркестровой партии — имеет особое значение, он очень точно характеризует общественную атмосферу тех лет.

Вечером я позвонил К.Кондрашину. Он был поражен случившимся. Днем мне звонил секретарь Д.Шостаковича, следом взяв трубку сам Дмитрий Дмитриевич: "Состоится ли концерт?" Я подтвердил, что все остается в силе, оркестровые партии в полном порядке, и просил его не забыть взять с собой партитуру для меня.

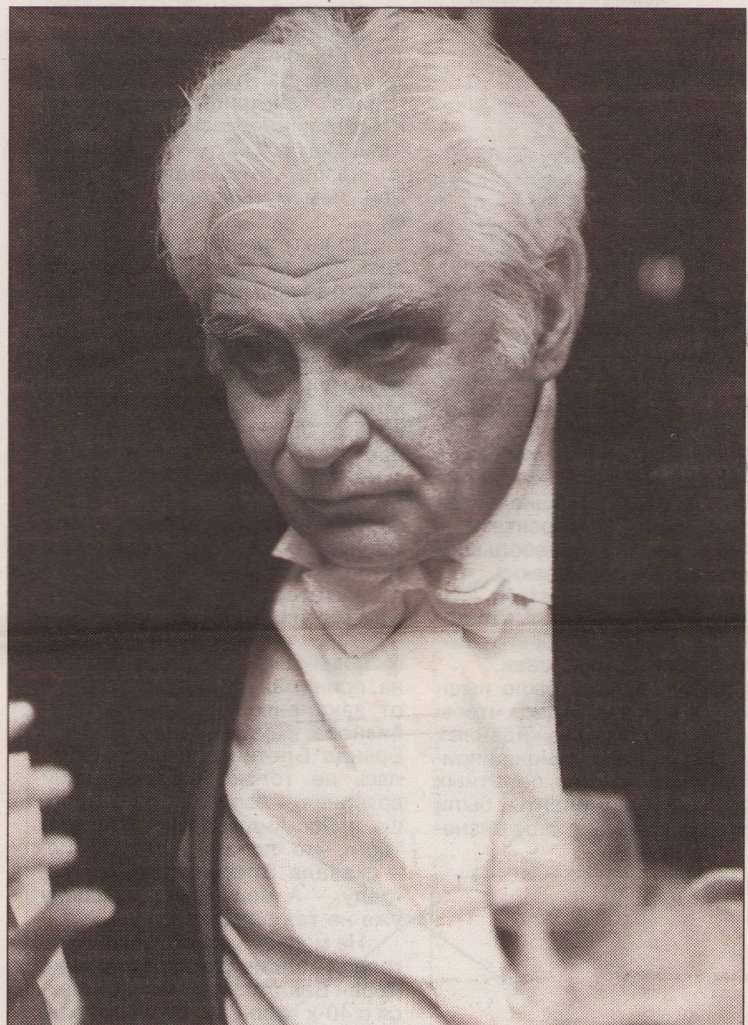
Дмитрий Дмитриевич вместе с женой Ириной Антоновной приехал за два дня до концерта. Утром состоялась репетиция с солистом, но без хора, который не мог бы поместиться в репетиционном

ске, особенно музыкантов Государственного симфонического оркестра Белоруссии, переписавших весь комплект оркестровых партий пятичастной симфонии для полного тройного состава духовых, арфы, фортепьяно, множества ударных и большого количества струнных — более семидесяти партий! Этот комплект оркестровых партий до сих пор находится в библиотеке оркестра. Я не знаю подобного случая в концертной практике оркестров бывшего в СССР, не говоря о концертной жизни других стран.

Еще живы многие участники этого исполнения симфонии, и они могут подтвердить подлинность изложенного.

Виталий КАТАЕВ, профессор Московской консерватории

● Д.Шостакович на репетиции 13-й симфонии в Минске. За пультом — Виталий Катаев. Рядом певец — Аскольд Беседин.
● В. Катаев.

зале тогдашней филармонии. На репетиции присутствовал Шостакович (сохранилась фотография). На следующий день — генеральная репетиция, она проходила в зале Дома офицеров, где и состоялся концерт. Сказать, что А.Беседин пел прекрасно, значит ничего не сказать. Он был героем, пережившим драматические коллизии симфонии, от его имени он излагал текст и пел музыку.

Умираю в России страхи, словно призраки прежних лет...

...Я их помню во власти и силе при дворе торжествующей лжи...

Когда закончилась симфония (а пятая часть заканчивается, постепенно затихая), в зале наступила напряженная тишина. Публика замерла в осознании истинности представленных в симфонии драматических сцен и острейших общественных идей. Потом зал взорвался аплодисментами, публика стоя скандировала, приветствуя композитора, поднимавшегося на сцену."

С особой благодарностью до сих пор вспоминаю участников исполнения 13-й симфонии в Мин-

"Как же отреагировали на исполнение симфонии власти предраскающие? Вот характерный образец тогдашней критики ("Белорусская правда" от 2 апреля 1963 года).

"Первое знакомство с музыкой захватывает, потрясает, ошеломляет... (НО) Социальный заказ остался невыполненным. Д.Шостаковичу изменили присущее ему всегда чувство времени, чувство высокой ответственности перед лицом тех задач, которые решаются сейчас у нас. Более того, произведение его, как нарочно, исполняется в те дни, когда страна оживленно обсуждала материалы декабрьской и мартовской встреч руководителей партии и правительства с деятелями советского искусства, свидетельствует о непонимании композитором требований партии к искусству. Ведь давно известно, что правда факта не есть художественная правда, не есть большая правда жизни. И когда поэт, а вслед за ним и любимый всеми композитор, композитор, которого мы считаем большим мыслителем, возводит мелкий жизненный случай в ранг чуть ли не народной трагедии, тогда неизбежно возникает мысль о фальши и в душе неотвратимо зреет чувство внутреннего протеста."